

будущую действительность созданного нами воображениемъ, но онъ глубоко заблуждается, отрицая цѣль исторіи и во второмъ, т.-е. субъективномъ смыслѣ. Я показалъ выше, что гр. Толстой игнорируетъ прѣную сторону исторіи, и это стоитъ въ связи съ отсутствиемъ въ его міросозерцаніи идеала соціального: *весь его идеализмъ исключительно этический.*

Противникъ идеализаціи исторической действительности, представлена о совершенной разумности общаго хода исторіи, гр. Толстой высказываетъ рѣшительно противъ объективированной телеологии (VI, 154) и не разъ категорически заявляетъ, что въ исторіи «конечная цѣль намъ неизвѣстна» (VI, 156), т.-е. онъ не тѣшилъ себя иллюзіей оптимистически настроенныхъ философовъ исторіи, для которыхъ все совершается въ виду такой-то, опредѣленной конечной цѣли. Но тутъ гр. Толстой заходитъ слишкомъ далеко: если отказъ отъ идеализаціи жизненныхъ явлений вообще не помѣшалъ ему творить идеалы личной этики, то такое же отношеніе онъ долженъ былъ сохранить и къ идеаламъ общественнымъ; если онъ позволяетъ себѣ произносить судъ надъ явленіями жизни съ точки зренія идеала этическаго, то онъ долженъ былъ бы примѣнить къ оцѣнкѣ явлений и критерій идеала соціального, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ этого слова. Однако онъ этого не только не дѣлаетъ, но проявляетъ удивительный индифферентизмъ къ вопросамъ общественнымъ, поскольку послѣдніе имѣютъ свое самостоятельное содержаніе вѣнѣ чистоморальныхъ вопросовъ. Напр., разсуждая обѣ истинномъ величіи, онъ находитъ, что нѣтъ его тамъ, гдѣ нѣтъ «простоты, добра и правды» (VI, 62): простота, добро и правда—одинъ изъ его идеаловъ личной жизни, и онъ, конечно, не согласился бы съ